

Л.В. Савинов

Исторический контекст современной этнополитики в Сибири

Ключевые слова: этнополитика, история этнополитических процессов, Сибирь.

На характер этнополитического пространства и актуального этнополитического времени оказывает влияние не только современность, но и прошлое. В связи с этим в работе предпринята попытка осмысления исторической ретроспективы развития этнополитических процессов в Сибири, а также влияния исторического фактора на эти процессы в Сибирском федеральном округе.

К концу XVI в., когда началось русское продвижение на Восток, народы Сибири представляли собой совокупность разноразличных племенных и родовых групп, уровень жизни которых значительно отставал от уровня жизни населения Центральной России.

История освоения Сибири и включения ее коренных народов в состав Московского государства отличается от истории присоединения Приволжья и Кавказа. Русское продвижение на Восток, как правило, не встречало сопротивления, присоединение к Российской империи рассматривалось многими народами как вхождение в состав сильного государства, которое обеспечивало защиту от экспансий со стороны соседей. При этом включение Сибири в состав империи фактически привело к ликвидации междоусобиц и феодальной анархии. Центр по мере возможности стремился не нарушать традиционных форм жизнедеятельности (например землепользования) коренного населения и не допускать столкновения местного населения и колонистов из-за земли. Существенные преимущества получали те, кто переходил на оседлую жизнь и принимал православие. На значительных территориях была установлена сильная политическая власть, направленная на расширение границ и увеличение численности местного населения как основных ресурсов империи. Центральная власть уделяла особое внимание и качеству жизни коренного населения: она стремилась к повышению образовательного уровня и медицинского обслуживания.

Однако присоединение Сибири нельзя назвать добровольным в полном смысле. И хотя это было не покорение, а хозяйственное освоение, оно сопровождалось расширением ареала русского этноса. Шло естественное расширение России за счет новых территорий – экстенсивное развитие империи. И все же Россия исторически складывалась как союз народов, культур, земель, основу которого составляла общая

цель, скрепленная общегосударственными (но не национальными в гражданском понимании) ценностями и интересами.

Политика Российской империи к своим национальным окраинам никогда не была равноценной по своему содержанию, однако всегда жестко централизованной и направленной главным образом на укрепление интересов Центра, поскольку государство рассматривало окраины большей частью как ресурсные территории, а инородцев – как дополнительных плательщиков налогов в казну. Вместе с тем управление сибирскими народами имело свои особенности, связанные как с природно-климатическими, географическими, этнокультурными и иными характеристиками региона, так и характером освоения Сибири, политико-правовым положением ее коренных народов, спецификой самоуправления и т.д.

При этом политика центра по отношению к инородцам, большинство которых вели кочевой образ жизни, была достаточно сбалансированной, разумной и прагматичной. Фактическая автономия сибирских народов в царский период характеризовалась их особым статусом и высокой степенью самоуправления, в повседневной жизни людей обеспечивалась реальная, внутренняя автономия коренных жителей [1, с. 185]. Этот опыт имеет большой потенциал и сегодня. И главным образом в системе местного самоуправления.

Позитивными для сибирских этносов оказались и реформы М.М. Сперанского, на правовом уровне закрепившие особый статус управления инородцами и иноверцами Сибири [2]. Разработанный под его руководством «Устав об управлении инородцами» явился самым развернутым нормативным актом Российской империи по отношению к народам Сибири. С 1822 г. вплоть до начала XX в. документ оставался основным законом, регулировавшим политические, экономические, социальные и культурные процессы в жизни сибирских народов. Устав четко определял и административно-судебную политику центра по отношению к коренным этносам.

В инструментальном смысле этнонациональная политика Российского государства в Сибири сводилась к вопросу о способах управления. И здесь необходимо отметить, что важнейшей качественной характеристикой «Устава об управлении инородцами» является, во-первых, ее сбалансированность относительно интересов империи и ее подданных – инородцев и иноверцев.

Во-вторых, авторы Устава стремились максимально полно использовать специфику внутреннего управления коренных народов, основанную на вековых традициях и обычаях.

В-третьих, философия и содержание документа четко определяли ее либеральную направленность и прогрессивность. В этом смысле к наиболее значимым нормам Устава необходимо отнести разрядное деление коренного населения, в основу которого был положен хозяйственный принцип, внеэтнический и внеконфессиональный по своей сущности.

Согласно Уставу «оседлые инородцы» приравнивались к сословию государственных крестьян во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской. «Кочевые» приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, но сохраняли самостоятельность в управлении и суде. Совершенно особым образом управлялись «бродячие жители». Тем самым правительство стремилось перевести как можно большее число людей в разряд оседлых, что связано в первую очередь со стремлением авторов Устава и прежде всего Г.С. Батенькова к «вторичному» присоединению Сибири к России. Другими словами, речь шла об уравнивании прав русского и коренного населения в широком смысле.

Не менее важным является и то, что «приземление» способствовало более быстрому включению инородцев в социокультурное пространство империи. В этом случае коренное население получало большие возможности в доступе к образованию и медицине. Так, Устав закрепил за ясачными право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища.

Широкая автономия закреплялась и в вопросах формирования самоуправления. Этому способствовала предложенная авторами Устава трехступенчатая система органов самоуправления: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа и высшая – степная дума. Например, у западных бурят учреждалось семь степных дум: Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская и Тункинская. Выборы должностных лиц были прямыми и открытыми. К ним допускались все члены общины.

Широкое признание и поддержку среди коренного населения получила норма о сохранении их «почетных званий». Продуманной была политика и в отношении феодальной элиты сибирских этносов. Так, указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. инородцы, пользующиеся правами личного дворянства, и их дети освобождались от уплаты ясака.

Авторы Устава стремились максимально учесть обычное право коренного населения. И это условие специально оговаривалось в Уставе. Однако работа по кодификации норм обычного права, начавшаяся сразу после утверждения Устава (в апреле 1825 г. проекты сводов «Степных законов» поступили на рассмотре-

ние Сибирского Комитета), была остановлена после ареста Г.С. Батенькова.

В экономической сфере М.М. Сперанский стремился закрепить тенденции к капиталистическому развитию региона. Устав вводил принцип свободной частной торговли с сибирскими инородцами. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников с коренным населением. В 1831 г. было принято положение «О свободной торговле с сибирскими инородцами», что еще более либерализовало торговые отношения.

В Уставе была предпринята попытка унификации налоговой практики. В нем регламентировались государственные, земские, уездные и частные сборы. Важно и то, что запрещалось взимание иных или дополнительных сборов с коренного населения. Вызывает уважение стремление авторов Устава заменить традиционное в то же время выколачивание недоимок такой мерой как, например, «настоятельное убеждение».

Либеральными и во многом прогрессивными были положения Устава, регламентирующие духовную и культурно-бытовую сферы жизни. В вопросах веры Устав закреплял веротерпимость – «земское начальство обязано не допускать стеснения инородцев под предлогом обращения в христианскую веру». Некрещенные инородцы получали «свободу определять богослужение по их закону и обрядам».

Особо отметим, что началом введения «Устава об управлении инородцев», к примеру в Иркутской губернии, стало распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского о переводе этого документа на бурятский язык. Следует подчеркнуть и тот факт, что Г.С. Батеньков рассматривал Устав как «первый шаг по пути переустройства всей жизни коренного населения Сибири».

Итак, М.М. Сперанский задолго до современных авторов мультикультурализма и этнотолерантности попытался законодательно закрепить некоторые основы сбалансированной, либеральной по своей сущности и прогрессивной по содержанию государственной политики в отношении коренных народов Сибири. Опыт реформ М.М. Сперанского и сегодня остается востребованным в силу того, что современная этнополитика государства все еще неадекватна актуальным требованиям времени.

Вместе с тем история межэтнического взаимодействия коренных этносов с государствообразующей этнической группой – русскими (великороссами) была все же неоднозначной. Негативным проявлением имперского патернализма, например, была интенсивная русификация, проявившаяся в навязывании государственного языка и православной религии. Так, российские чиновники, изучавшие хакасов в конце XIX в. по поручению Енисейского губернского статистического комитета, открыто определяли: «Вопрос о печальной участи инородцев, как более слабого и менее

культурного племени, предреши биологическими законами. Разрешение инородческого вопроса заключалось, как и до сих пор заключается, именно в том, чтобы повышением культурных и экономических форм сообщить инородцам силу для борьбы за свое существование. Повышение же и развитие форм могло состояться исключительно лишь приближением инородческого уровня к уровню более сильной расы, русской, то есть исключительно лишь путем обрусения» [3, с. 3].

Однако, по нашему мнению, представление о том, что Россия была «тюрьмой народов» не соответствует действительности, по крайней мере в отношении народов Сибири.

История свидетельствует, что подъем националистических настроений приходится на периоды экономической и социальной нестабильности и политического хаоса. Так, в России начала XX в. в условиях социально-экономического и политического кризиса все сколько-нибудь реальные политические силы обратились к использованию «национального вопроса» в своих интересах. Консервативные силы, близкие к трону, выдвигали лозунги воинствующего православия и религиозной нетерпимости, великодержавного шовинизма и антисемитизма, ксенофобии и националистического экстремизма. В ответ местные элиты национальных окраин империи выдвигали сепаратистские требования, угрожая сецессией. С поразительной точностью ситуация повторилась в конце XX в.

В Сибири в начале прошлого столетия этнонациональная проблема (так называемый национальный вопрос) имела отличительные особенности. Недовольство сибирских инородцев было вызвано прежде всего конфискацией земель, ограничениями, касающимися религиозной жизни и образования, а также попытками властей навязать систему самоуправления, основанную на территориальном принципе. На этом фоне центральной осью кристаллизации самосознания, например бурятского этноса, стала интерпретация возникшего социального конфликта как противостояния русских и бурят. При этом последние считали возможным пренебречь племенными и родовыми различиями.

В то же время появилось течение, подчеркивающее связь бурят с монгольским миром, следствием чего стало требование введения в школах монгольского языка и снятия ограничений на издания на монгольском языке. Главной целью отстаивающих эти лозунги «радикальных народников» было объединение монгольских народов, и ведущую роль здесь призваны были сыграть именно буряты [4, с. 31–35]. Однако даже после Октябрьской революции в Бурятии возникали разногласия между сторонниками национального партикуляризма, подготовившими создание в 1921 г. в Дальневосточной Республике Бурят-Монгольского автономного округа, и приверженцами консерватив-

ного религиозного универсализма под предводительством ламы Сандана Циденова [4, с. 60].

На рубеже XIX–XX вв. активно обсуждался вопрос о становлении и даже реальном существовании особой «сибирской» нации. Регионалистские настроения были особенно заметны в 90-х гг. XX в. Очевидно, что на фоне перераспределения власти и собственности такие настроения становятся частью идеологических проектов, используются в качестве инструмента политической мобилизации. Так, в начале рассматриваемого периода в региональных СМИ активно обсуждалась перспектива Сибирской республики с самыми широкими полномочиями. Заметим, что к опасности сибирского сепаратизма власти императорской России относились всерьез еще со времен дела Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева 1865 г. [5, с. 37].

Советское правительство во главе с В.И. Ульяновым (Лениным) обращало особое внимание специфике организации автономий в Сибири. Так, в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами, указывалось: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений...» [6, с. 342].

Процесс автономизации народов Сибири на основе ленинской национальной политики проходил в начале 20-х гг. XX в. с формирования ряда национально-государственных образований, создание которых имело огромное политическое значение. Это способствовало увеличению представительства автономий во всесоюзных и всероссийских съездах Советов. Они получали постоянное представительство при ВЦИК. Политические преференции сопровождалась и серьезными прорывами в экономике и социальной сфере. У многих народов Сибири именно в этот период появляется собственная письменность, литература, театр и т.д. В общей системе мер по ликвидации фактического неравенства между русскими и эндогенными народами Сибири заметное место отводилось целенаправленному формированию национальной интеллигенции. Автономиям как этнонациональным территориям выделялись квоты в ведущих вузах страны.

Именно в это время в сибирских автономиях проводится политика коренизации партийного и советского аппаратов. Известно, что в период создания автономий, в руководящие партийные и советские органы были кооптированы представители титульных народов. К примеру, только с 1927 по 1929 г. удельный вес хакасов в окружных органах и учреждениях возрос с 5,3 до 13,5% [7, л. 34]. А уже в 1931 г. 64,4% председателей и 51,1% секретарей сельсоветов составляли хакасы [8, с. 38].

В любой модели этнополитики огромна роль языка и письменности. Именно поэтому одним из первооче-

редных задач ленинской национальной политики в отношении народов Сибири было создание письменности на основе кириллицы. Кириллица как основа письменности имела не столько лингвистическое, сколько политико-идеологическое значение. Даже само ускоренное создание национальной письменности и литературы, национального театра и кино, национальных СМИ имело глубоко идеологические корни. Политический центр понимал, что политико-идеологический контроль невозможен без завоевания символического и информационного пространства.

Однако и сама история письменности миноритарных народов имеет политическое содержание. Ошибки и обиды в этой области наиболее чувствительны и наиболее значимы как механизмы этнокультурной мобилизации и политизации этнического пространства и времени – этнизации и этнификации политического и прежде всего достижения, удержания и реализации политической власти [9, с. 40–44].

К примеру, рассмотрим историю хакасской письменности. Вернее, письменности племенных групп, из которых в советское время были сконструированы хакасы как этническая группа.

В древности вплоть до прихода Чингиз-хана ближайшие предки хакасов имели свою письменность на основе известного историкам и лингвистам орхон-енисейского алфавита. В результате иноплеменного нашествия уникальная письменность, как и сама достаточно высокая культура, предков хакасов была во многом утеряна. Позднее, в XVI–XVII вв., хакасские князья и знать пользовались древнемонгольским алфавитом. В конце XIX в. для облегчения внедрения христианства был составлен так называемый миссионерский алфавит, на основе которого на хакасский язык были переведены и изданы всего две книги религиозного содержания. Однако этот алфавит был «мертвым» с самого своего зарождения. В начале 20-х гг. прошлого столетия усилиями лингвистов из Москвы и Ленинграда создается хакасский алфавит на основе кириллицы. Издание учебников и другой литературы на хакасском языке оказало существенное влияние на ликвидацию практически повсеместной неграмотности. Последний тезис справедлив для всех без исключения народов Сибири. Однако в 1929 г. письменность хакасов, как и других тюрко-язычных народов, переводится на латинский алфавит. Возврат на кириллицу произошел 3 марта 1939 г. согласно постановлению Совета Народных Комиссаров СССР. Необходимо особо отметить, что только современная письменность хакасов на основе кириллицы оказала существенное культурное и политическое влияние на развитие народа.

Проблема перевода письменности на латиницу и обратно использовалась некоторой частью хакасской этнонациональной элиты уже в середине 90-х гг. XX в. для накопления политического капитала.

В советский период многие из коренных народов Сибири, как и другие этносы, ощутили на себе произвол тоталитарного режима, связанный с эксцессами в этнонациональной политике – волонтаристской демаркацией и перестройкой административно-территориальных границ, упразднением национальных районов и национальных сельсоветов, репрессиями в отношении элит и интеллигенции. До сих пор последствия этого оказывают негативное влияние на характер этнополитических процессов как в целом в Сибири, так и на ее отдельных территориях. К примеру, до сегодняшнего дня сталинские репрессии в отношении представителей алтайской, бурятской, тувинской, хакасской национальности обостряют проблему восприятия этнической ответственностью русского населения. Как указал в интервью один из хакасских информантов, «русские до сих пор не извинились за репрессии». Подобные настроения были особенно сильны в 90-х гг. XX в., осложненных экономическим кризисом и социальной анемией.

В этот период развитие коренных этносов характеризовалось значительной асимметричностью. Многие народы не получили должного внимания. В некоторых случаях индустриализация территорий исконного проживания малочисленных этносов привела к угрозе ликвидации традиционного образа жизни.

Немаловажным моментом является и то, что на всем протяжении своей истории сибирские народы не имели национальной государственности. Исключение составляют тувинцы, хотя и их государственность до присоединения Народной республики Танна-Тыва в состав РСФСР в 1944 г. была во многом декларативной.

Вместе с тем необходимо признать, что именно в советский период сибирские народы достигли наибольшего экономического, социального, культурного и духовного развития. Большинство народов именно в этот период приобрели свою письменность и получили ощутимые результаты экономической модернизации. Вместе с тем включение сибирских этносов в социокультурное пространство советского государства посредством создания письменности на основе кириллицы, национальных театров, музеев и иного можно рассматривать и как форму идеологического контроля в этнонациональной сфере.

Политические процессы, инициированные в середине 80-х гг. прошлого века М.С. Горбачевым и его политическим окружением, привели не только к распаду Советского государства, но и образованию в составе Российской Федерации ряда новых по своему статусу национально-территориальных образований. Многие автономные области получили статус республик. В сибирском регионе такие этнополитические метаморфозы претерпели Хакасская и Горно-Алтайская автономные области.

Во всех сибирских автономиях в 90-е гг. прошлого века на волне усиления этнонационального самосознания титульных этнических групп отмечено значительное усиление внимания к своей истории. При этом история определялась значимым и эффективным инструментом в руках этноэлит. Представители не только этнонационалистических, но и умеренных кругов использовали механизмы «удлинения» и «героизации» прежде всего истории своей государственности. К примеру, в Хакасии не только этнополитические лидеры, но в первую очередь этнонациональная интеллигенция усиленно продвигали идею о своей древней государственности. По их мнению, хакасы – это потомки высокоразвитых тюркских племен, появившихся в бассейнах рек Абакана и Енисея около 2300 лет назад. При этом древнее Хакасское государство, насчитывающее

1200-летнюю историю, имело свою енисейскую письменность. Этот тезис значительно усиливался предположением о том, что эта древняя письменность, считавшаяся утраченной, жива, поскольку потомки последних хакасских князей бережно хранили и передавали потомкам древнюю енисейскую письменность.

Как видим, этнополитическая история Сибири не только определяет этнополитический ландшафт и его контекстуальность, но и представляет собой важнейший внеинституциональный фактор развития этнополитики и этнополитических процессов. При этом отношение к истории является важнейшим ценностным механизмом в руках этнических антрепренеров, которые все чаще мифологизируют и героизируют ее, а также манипулируют ею для достижения главным образом политических целей.

Библиографический список

1. Скобелев, С. Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политика центра / С. Скобелев // *Ab Imperio*. – 2002. – №2.
2. Положение об инородцах. Гл. 1: О правах сибирских инородцев // *Свод законов Российской империи*. – СПб., 1897. – Т. 2.
3. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / ред. Л.В. Кызласов. – М., 1993.
4. Елаев, А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности / А.А. Елаев. – М., 1994.
5. Политическая наука. Национализм – новейшие исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. А.И. Миллер. – М., 2002.
6. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
7. Партийный архив Новосибирского обкома КПСС. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 3803.
8. Кузучашев, А. Советы Хакасской автономной области / А. Кузучашев // *Власть советов*. – 1936. – №2.
9. Этнизация и этнификация политического пространства и политического времени // *Этноконфессиональные отношения в современной России и странах СНГ: содержание и роль* : материалы Международной научно-практической конференции 27 апреля 2007 г. – Челябинск, 2007.